

А.П.Хузангай
(Чувашский государственный
институт гуманитарных наук)

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫКОВОЙ КОНТИНУУМ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Очевидно, что для нормального языкового существования чувашского этноса одним из первичных условий является соотношение между языком и территорией (структура отдельного языка в его территориальных вариантах), между социальными функциями языка и государством (формы государственности могут быть различны, в наших условиях это: субъект федерации, суверенная (республиканская) государственность, возможность получения статуса национально-культурной автономии). Соответственно, нормальный представитель чувашского языкового общества имеет чувство непрерывности своего родного языка как в диахронии («ход истории языка основан на чувстве непрерывности языка у говорящих», писал Л.В.Щерба¹), так и в синхронной топологии (в любой точке чувашского Lebensraum'a* я могу в полной мере использовать родной язык). Относительно государства чуваш может рассчитывать, по крайней мере формально, на признание им «языкового суверенитета народов и личности» и наличие гарантий социальной, экономической и юридической защиты всех языков народов РФ (см.: Закон РФ «О языках народов РФ»).

Л.П.Сергеев является одним из первых чувашских лингвистических географов, который профессионально занимался лингвистической географией, он — автор «Диалектологического атласа чувашского языка» и чувашских частей «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» и

* Чувашский Lebensraum соответствует синтагме «чăваш тĕнчи». Ср. название приложения к газете «Хыпар» (1998, кăрлач, 31).

«Лингвистического атласа Европы» (к сожалению, все эти капитальные труды не опубликованы и хранятся в научном архиве ЧГИГН). Этот интерес Л.П.Сергеева к чувашскому «языковому ландшафту»² побудил нас поставить некоторые вопросы с точки зрения философии языкового существования чувашского этноса и витальности (жизнеспособности) чувашского языка.

Наличие фонетических, грамматических и лексических изоглосс, которые проходят через всю территорию обитания чувашского этноса в Урало-Поволжье в широком смысле и в самой Чувашской Республике, отражает территориальное варьирование в рамках чувашского диалектного языка. Но подобные диалектные различия в настоящее время в значительной мере сnivelированы и поэтому диалектологические карты скорее являются проекцией в прошлое, которое, конечно же, нужно знать, так как именно читая и интерпретируя эти карты, мы можем реконструировать процесс формирования чувашского языкового континуума («чăваш тĕнчи йĕркеленсе кайни»).

С точки зрения синхронной топологии на варьирование языка сейчас в большей мере влияют социальные и социокультурные условия, в которых находятся отдельные чувашские языковые общества, ситуация асимметричного чувашско-русского двуязычия и взаимодействие с другими языками (башкирским, татарским, эрзя, марийским и т.д.). Причем среди чувашской диаспоры массовым является так называемое с м е ш а н н о е двуязычие, то есть сосуществование чувашского и русского языка. Постоянное переключение чувашского и русского языковых кодов образует то, что Л.В.Щерба предложил называть «с м е ш а н н ы м я з ы к о м с д в у м я т е р м и н а м и (langue mixte a deux termes)»³. Такое социальное варьирование языка как на групповом, так и на индивидуальном уровнях (образование социодиалектов, идиолектов) подрывает чувашский языковой континуум и приводит к тому, что вместо непрерывного жизненного пространства (Lebensraum) мы на социолингвистической карте чувашского этноса должны будем изображать «локус дискретности языка». Чувашский языковой континуум может созидаться только в рамках единого культурно-информационного пространства в

чувашиком Урало-Поволжье, которое на сегодняшний день отсутствует. Язык как нациообразующий символ (имеется в виду чувашский литературный язык, восходящий к яковлевской традиции) и этнокультурные установки «чувашских обществ» — историческое самосознание, общие черты в мировоззрении, особое религиозное самочувствие — могли бы перекрыть административные границы, преодолеть разломы чувашского духовного сознания и разрыв между разными поколениями чувашских обществ («чаваш ачисем ашшĕ-амăшĕпе, ваттисемпе чăвашла каласмаçĕ»)⁴ и обеспечить единство чувашской нации с доминантой национального самосознания. Пока же проект будущего языкового существования чувашского этноса и чувашского языкового континуума может рассматриваться как **утопия** и на карте чувашского Lebensraum'a нам пришлось бы отобразить все эти разрывы пространства в социально-политическом, культурном и языковом отношениях⁵. Впрочем, это вполне закономерно, ибо понятие **утопия**, введенное Томасом Мором, и означает о с т р о в. На карте чувашского Урало-Поволжья, не говоря уже о России в целом, мы бы увидели отдельные «ч у в а ш с к и е о с т р о в а» со своим жизненным укладом и особым языковым поведением. Общациональный символ — язык — должен быть приземлен на реальную народную почву чувашской территории⁶.

Литература

¹ Щерба Л.В. О понятии смещения языков // Щерба Л.В. Языковые системы и речевая деятельность. Л., 1974. — С. 64.

² См.: Сергеев Л.П. Чĕлхе атласĕ // Ялав, 1980, 7 №.

³ Щерба Л.В. Там же. — С. 68.

⁴ См. например: Чиндыков Б. Хушшăмăрти чикĕсем сĕнчен // Пааянтан, 1990, 2 №.

⁵ Семиотическую трактовку ситуации, когда «...ведь Империя, хоть карту ее и упразднили, по-прежнему существует», см. в статье Луи Марена «Утопия карты» // Сегодня, 1995, 8 декабря.

⁶ О «чувашских утопиях» в несколько ином ракурсе см. наши тезисы: «Чикĕсĕр чăваш утопийĕ» // Канащ, 1991, утă, 2; «Чикĕсĕр чăваш утопийĕ (2)» // Самар Ен, 1995, 1 №.